

Словоупотребление и норма

© Д.Э. РОЗЕНТАЛЬ, М.А. ТЕЛЕНКОВА

(Статья опубликована в «Русской речи» в 1967 г. № 3)

В решении сложной и важной задачи нормализации языка, в борьбе за повышение культуры речи широких масс населения нашей страны значительную роль играет упорядочение словоупотребления. С.И. Ожегов с должным основанием писал: «Особенно существенным звеном высокой культуры речи является правильное словоупотребление в широком смысле. Именно оно в сочетании с правильным произношением, ударением и с правильным использованием грамматических форм в речи определяет точность, ясность и выразительность языка».

Сложность проблемы нормативного словоупотребления заключается не только в отсутствии достаточно большого и разнообразного материала, который позволил бы исследователю не ограничиваться разрозненными эмпирическими наблюдениями, как это нередко наблюдается сейчас, а давал бы возможность делать широкие теоретические обобщения, – но и в отсутствии единого и четкого толкования понятия «языковая норма».

Между тем понятие нормы важно для любого типа речи (книжной и разговорной), для любой ее формы (письменной и устной), для любого функционального стиля (научного, публицистического, официально-делового и т.д.). Даже в стилях художественной литературы, где широко используется свобода выбора языковых средств и сказывается своеобразие индивидуальной манеры писателя, невозможен полный отход от более или менее признанной общенациональной языковой нормы, ибо «язык подлинно художественного произведения не может далеко и значительно отступать от основы общенародного языка, иначе он перестанет быть общепонятным» (В.В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 219).

В понятии языковой формы заложены диалектические противоречия. С одной стороны, норме должна быть присуща известная устойчивость, стабильность как основа ее функционирования: эфемерность «нормы» привела бы к отрицанию ее существования. С другой стороны, будучи прикрепленной к языку – явлению социальному, находящемуся в постоянном развитии вместе с творцом и носителем языка – обществом,

языковая норма не может не изменяться в отдельные периоды развития языка.

Известная подвижность языковой нормы иногда приводит к тому, что для одного и того же языкового явления имеется в синхронном плане не один-единственный способ выражения, а больше. Об этом писал академик Л.В. Щерба: «Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными» (Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958, стр. 65). Такое положение нередко порождает две крайности: или пуристическое признание только одного способа выражения нормы, или нигилистическое отрицание существования нормы вообще.

Что же считать языковой нормой? По определению С.И. Ожегова, «норма – это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов». Это общее определение языковой (точнее, речевой) нормы, дополненное указанием на ее историческую изменчивость, допускает еще одно уточнение: наличие единых норм литературного языка не исключает параллельного существования их вариантов, связанного с выделением в языке отдельных его стилей. Возникающее в связи с этим «многообразие в единстве» не разрушает самой нормы, а делает ее более тонким инструментом отбора языковых средств, включает в качестве неотъемлемого признака в систему того или иного стиля.

При таком понимании языковой нормы – как категории исторической и как категории, допускающей стилевые варианты, – уясняются отдельные явления, наблюдаемые в области словоупотребления в современной речевой практике: изменения в сочетаемости слов, использование их в расширительном значении, сближение в употреблении тех или иных слов, изменение их стилистического «паспорта» и т.д. Проследим эти процессы на примере некоторых слов.

Сочетается ли слово **вакансия** со словом **свободная**? Не образуется ли тавтологическое сочетание? Слово *вакансия* имеет значение «незанятая должность», «свободное место в учебном заведении для учащегося» (Словарь русского языка). Составители словаря-справочника «Правильность русской речи» возражают против сочетания *свободная вакансия*, а приводимые ими примеры с его употреблением в периодической печати, в речи персонажей художественных произведений и в авторской речи писателей относят к числу нарушающих нормы современного литературного языка.

В то же время словарь Ушакова приводит такой пример: «На медфаке нет ни одной свободной вакансии»; в «Словаре русского языка» находим аналогичное словоупотребление в примере: «(Матросы), встречаясь, рассказывают, где побывали, каковы были рейсы, сообщают о свободных вакансиях на хороших судах» (Новиков-Прибой).

При рассмотрении этого вопроса Ф.Д. Перевозчикова (сб. «Нормы современного русского литературного употребления». М., 1966, стр. 75) приходит к выводу, что «с течением времени произошел сдвиг в значении этого слова, и слово *вакансия* стало значить не только “свободная, незамещенная должность”, но и “должность вообще”». Это положение иллюстрируется рядом примеров из практики писателей. Есть все основания согласиться с этим выводом.

Все современные словари отмечают синонимическое употребление глаголов **встать** и **стать** во многих словосочетаниях. Как показывают примеры, сближение обоих глаголов наблюдается при наличии следующих значений:

1) «принять стоячее положение, подняться на ноги»: встать на ноги – стать на ноги; встать на цыпочки – стать на цыпочки;

2) «подняться на защиту чего-либо, подготовиться к борьбе за что-либо»: встать на защиту – стать на защиту; встать на сторону кого-либо – стать на сторону кого-либо;

3) «стать куда-либо, на что-либо, занять где-либо место»: встать на ковер – стать на ковер; встать на доску – стать на доску;

4) «стоя уместиться»: стол встанет в простенке – стол станет в простенке;

5) «занять место, приступить к какой-нибудь работе, деятельности, указываемой существительным, обозначающим место»: встать за станок – стать за станок; встать на путь... – стать на путь...; встать на вахту – стать на вахту.

Ср. также: встать дыбом – стать дыбом, встать на дыбы – стать на дыбы, встать на учет – стать на учет, встать поперек горла – стать поперек горла, встать в позу – стать в позу и т.п.

Наблюдения над употреблением глаголов *встать* и *стать* подтверждают сказанное выше об изменчивости нормативного словоупотребления и его стилиевой дифференциации. Еще в конце XIX в. считались ошибочными сочетания: встать на ноги (на колени, на цыпочки), встать лагерем и др. (рекомендовалось употреблять в этих сочетаниях глагол *стать*); довоенный словарь Ушакова тоже отмечает как ошибочное употребление глагола *встать* вместо *стать* в сочетаниях: встать на ноги, встать на работу. В более поздних словарях подобные оценки отсутствуют.

Что касается стилистической характеристики некоторых из приведенных выше случаев словоупотребления, то словарь Ушакова

и «Словарь русского языка» отмечают разговорный характер употребления глагола *встать* в значении «перестать действовать или двигаться» (часы встали, мотор встал) и в значении «*покрыться* льдом, замерзнуть» (река встала). Словарь Ожегова относит к числу разговорных конструкций: встать на ковер, встать лагерем, встать на якорь, встать за станок, встал на защиту, встать у власти, встать на путь, встать на учет, т.е. такие, где глагол *встать* имеет значение «ступив на какое-нибудь место, остановиться на нем стоя», «расположиться, поместиться», «приступить к работе, деятельности». По-видимому, такая стилистическая дифференциация закрепляется в практике речи.

Глаголы *одолжить* и *занять* в литературном языке достаточно четко разграничены в своих значениях и употреблении, выступают как своего рода антонимы: *одолжить* «дать в долг, взаймы», *занять* «взять в долг, взаймы». Дialeктному употреблению, правда, известны случаи сближения глагола *занять* с глаголом *одолжить*, т.е. использования *занять* в значении «дать взаймы»; ср. у Гоголя: «И все оттого, что не задаю обедов и не занимаю им денег».

Однако в разговорной речи рассматриваемые глаголы дифференцируются менее четко, и не случайно словарь Ушакова дает специальную предостерегающую помету при глаголе *одолжить*: «Неправ. в знач. “взять в долг, взаймы у кого-н. О. у кого-н. сто рублей (вм. “взять в долг”)». Аналогичную помету дает Ожегов: «неправильно *о д о л ж и т ь* у кого-н. в знач. “взять в долг”». Тем не менее такое употребление встречается и в письменной речи, например: «Здесь же у соседки Коренковой он [убийца Ионесян] одалживал топор» (Известия, 15 января 1964).

Рассмотренный выше материал подтверждает, что языковые нормы, в частности нормы словоупотребления, подвержены общим закономерностям развития языка – эволюции составляющей его системы. «Языковая норма ничуть не напоминает догму, которая претендует на всеобщее и безраздельное господство и не допускает отступлений от раз и навсегда установленных канонов» (Р.Р. Гельгардт. Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961. С. 35). Эти отступления связаны в плане историческом со сдвигами в значении слов и в их сочетаемости, а в плане современном – с наличием в языке отдельных его разновидностей, обусловленных выполнением различных функций в речевой практике.

Именно изменчивостью нормы, наличием ее вариантов в различных речевых стилях объясняются различные показания словарей. Нередко практика речи опережает нормативные лексикографические рекомендации, которые для определенного периода вполне отвечают своему назначению, но на каком-то этапе начинают отставать и только в дальнейшем приводятся в соответствие с живой речевой практикой.